

Рис. 1

Рис. 2

- A new school uniform is being worked out in Ukraine. School children's opinion is wanted. Describe a school uniform you would like to wear, explain why.
- Look at the collage and say what kind of school uniform appeals to you. Say why. Say which uniform children of your country have.
- Comment on the issue which school attributes are typical to Ukrainian learners. Use the collage below.
- Study the collage and draw the parallel between a school uniform in different countries. Say whether you have the same pattern in Ukraine.

Ефективність запропонованої методики була перевірена експериментально у школі. Показник покращення загальних результатів та формування творчих здібностей учнів експериментальної групи за всіма параметрами збільшився на 45 % [8, с. 157].

Висновки. Сучасний світ стрімкого соціально-економічного розвитку і перетворення диктує необхідність формування творчо активної особистості із здатністю ефективно і нестандартно вирішувати нові життєві проблеми. Якщо ці якості не розвивати в дошкільному та шкільному періоді, то в подальшому настає швидке зниження активності цієї функції, а значить, збіднюється особистість, знижуються можливості творчого мислення, гасне інтерес до мистецтва, до творчої діяльності. Розвиток творчого потенціалу з раннього дитинства не тільки удосконалює пізнавальні процеси і здібності до творчості, але і формує особистість дитини.

Застосування техніки колажування позитивно впливає на навчальний процес школярів. У дітей з'являється впевненість у тому, про що вони говорять, інтерес до своєї роботи і роботи однокласників, їх мова стає вільнішою, завдяки колажу і критеріям, за якими вони презентують свої роботи, збільшується кількість фраз у мові. Тому завдяки такій техніці можна очікувати збільшення запасу слів (вокабуляра). Учні розвивають і монологічне мовлення, і творчі здібності, що є важливим фактором викладання іноземних мов.

Література:

1. Архипова С. Методика розвитку творчих здібностей у дітей дошкільного віку / С. Архипова, Н. Кушнірик // Педагогічні науки [Текст] : Збірник наукових праць. Вип. 2 / Полтавський держ. пед. Ун-т ім. В.Г. Короленка ; голов. ред. М. Степаненко. – Полтава : [б. в.], 2009. – С.41–48.
2. Беспалова М. С. Техника коллажирования как способ развития умений монологической речи на уроках английского языка / М. С. Беспалова, О. Е. Бугакова // Новые технологии в обучении иностранным языкам : сборник статей региональной научно-практической студенческой конференции. – Омск : Изд-во Ом. гос. Ун-та. – 2012. – С. 17–21.
3. Векслер А. К. Коллаж в системе профессиональной подготовки художника-педагога: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. педагог. наук : спец. 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (изобразительное и декоративно-прикладное искусство, уровень общего и профессионального образования) / А. К. Векслер. – 2011. – 25 с.
4. Драгальчук В. Розвиток пізнавально-творчих здібностей у дошкільному віці / В. Драгальчук, Н. М. Дубравська // Формування професійної компетентності майбутніх педагогів дошкільної та початкової освіти: збірник науково-методичних праць. – 2014. – С. 255–258.
5. Дуплійчук О. М. Розвиток творчих здібностей учнів старшої школи засобом соціокультурного колажування / О. М. Дуплійчук, Л. В. Калініна // Актуальні проблеми сучасної лінгвістики та методики викладання іноземних мов. – 2010. – С. 182–184.
6. Мальцева О. В. Метод колажа як технологія і средство формування творчих способностей младших школьников [Електронний ресурс] / О. В. Мальцева // Социальная сеть работников образования. – Режим доступа : <http://m.nportal.ru/nachalnaya-shkola/matematika/2016/11/26/metod-kollazha-kak-tehnologiya-i-sredstvo-formirovaniya>. – (18.01.2017).
7. Рыжкина И.Б. Коллаж как средство формирования субъекта диалога культур / И.Б. Рыжкина // Перспективы Науки и Образования. – 2014. – № 6(12). – С. 91–98.
8. Формування та розвиток майбутнього фахівця: теорія і практика: міжвузівська науково-практична конференція студентів та молодих вчених, м. Житомир, 2010 р. / Редком. : О. М. Дуплійчук, В. О. Калінін. – Житомир : ЖДУ імені Івана Франка, 2010. – С. 155–158.

УДК 821.161.3'06–1–055.2

М. И. Кирюшкина,

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Актуальным вопросом в современной женской поэзии является субъективное исследование природы женщины, которая рассматривается через соотношение с «другим полом» (мужчинами). Понятие «женская субъектив-

ность» затрагивает вопросы не только психологических характеристик личности, но делает акцент на физиологических свойствах женщины. Современные белорусские поэтессы (В. Кустова, Е. Гинько, Т. Сивец, О. Гапеева, О. Спринчан) в лирических текстах презентуют различные подходы к выявлению мироощущения женщины, характера лирических переживаний, определенных художественных образов, типов, конструктов «женского».

На уровне интерпретации культурных стереотипов, что рассматриваются в современных поэтических текстах авторов-женщин, определение художественных особенностей реализации женской субъективности является актуальным, что и объясняет новизну работы.

Ключевые слова: женская поэзия, женская субъективность, телесность, женское сознание, интуиция, феномен желания, любовный дискурс, намодическая субъективность, интерсубъективный тип женского желания.

ХУДОЖНІ ОСОБЛИВОСТІ РЕАЛІЗАЦІЇ ЖІНОЧОЇ СУБ'ЄКТИВНОСТІ В СУЧАСНІЙ БІЛОРУСЬКОЇ ЖІНОЧОЇ ПОЕЗІЇ

Актуальним питанням в сучасній жіночій поезії є суб'єктивне дослідження природи жінки, яка розглядається через співвідношення з представниками чоловічої статі. Головною особливістю прояву і позначення жіночого початку є фемінінність.

Поняття «жіноча суб'єктивність» торкається питань не тільки психологічних характеристик особистості, але робить акцент на фізіологічні властивості жінки. Сучасні білоруські поетеси (О. Гапеева, А. Гинько, В. Кустова, Т. Сивец, О. Спринчан) в ліричних текстах презентують різноманітні підходи до виявлення світовідчуття жінки, характеру ліричних переживань, певних художніх образів, типів, конструктів «жіночого».

На рівні інтерпретації культурних стереотипів, що розглядаються у сучасних поетичних текстах авторів-жінок, визначення художніх особливостей реалізації жіночої суб'єктивності є актуальним, що і пояснює новизну роботи.

Ключові слова: жіноча поезія, жіноча суб'єктивність, тілесність, жіноча свідомість, інтуїція, феномен бажання, любовний дискурс, намодическая суб'єктивність, інтерсуб'єктивний тип жіночого бажання.

THE ART OF THE IMPLEMENTATION OF WOMEN'S SUBJECTIVITY IN CONTEMPORARY BELARUSIAN WOMEN'S POETRY

An urgent question of contemporary feminine poetry is subjective research of feminine nature, which is viewed through the connection with the opposite sex (males). The notion of «feminine subjectivity» deals not only with psychological characteristics of the personality, but it also emphasizes physiological ones. Contemporary Belarusian poetesses (V. Kustova, E. Ginko, O. Gapeyeva, T. Sivietc, O. Sprinchan) represent a number of various approaches in revealing women's view of the world, the kind of lyrical anxiety, particular artistic images and the construct of the «feminine». During the analysis of this conceptual peculiarity not only do we pay attention to the specific character of the woman in the male world, but we also note the output and argumentation of the corresponding approaches to disclosure of the contents of the literary work.

In the research of feminine subjectivity realization in lyrics several theoretical aspects of «corporeal conception» M. Foucault, J. Lacan's and Z. Freud's psychoanalysis and the conception of «feminine formation» by R. Braidotti, as well as inter-subjective concepts such as feminine desire by J. Benjamin.

On the level of interpretation of cultural stereotypes that are viewed in contemporary poetic female texts the definition of literary peculiarities of feminine subjectivity manifestation is urgent, which explains the novelty of the paper.

Key words: women's poetry, female subjectivity, corporeality, female consciousness, intuition, the phenomenon of desire, love the discourse, nomadic subjectivity, intersubjective type of female desire.

Актуальним вопросом в современных «женских текстах» является субъективное исследование природы женщины, которая рассматривается через соотношение с «другим полом» (мужчинами). Надо отметить, что понятие «женская субъективность» затрагивает вопросы не только психологических характеристик личности, но делает акцент на физиологических свойствах женщины. При анализе данной концептуальной особенности внимание уделяется и специфике бытия женщины в мире мужчин, а также выработке и аргументации соответствующих подходов при раскрытии содержания литературного текста.

Подобный вопрос исследует и Дж. Батлер [1], а именно, существует ли территория «специфически женского», которая может быть рассмотрена как та, что существовала до своего обозначения, и таким образом, предопределяет универсальность женщин. Получается, что женщина должна иметь только свои, характерные ей психологические качества и своё собственное пространство, где она может существовать как самостоятельный субъект, равный по правам и культурно-социальным стандартам мужчине. С. Бем [2] предлагает следующую точку зрения насчет полорольевых отношений между субъектами:

- психологическая и половая природа мужчин и женщин полностью отличается;
- мужчины по своей природе представляют доминирующий, или лучший пол;
- различия между мужчинами и женщинами, как и мужское преимущество существуют с рождения, а потому являются и естественными.

Современные белорусские поэтессы (В. Кустова, Е. Гинько, Т. Сивец, О. Гапеева, О. Спринчан) в лирических текстах презентуют различные подходы к выявлению мироощущения женщины, характера лирических переживаний, определенных художественных образов, типов, конструктов «женского».

Свойством «женской природы» является субъективность как категория, маркерами которой выступают бинарные качества женского мира относительно мужского. Изучение данного понятия нужно проводить относительно физиологических и психологических особенностей женщин по сравнению со стереотипными характеристиками противоположного пола.

На уровне соответствующей интерпретации культурных стереотипов, реализуемых в современных поэтических текстах авторов-женщин, ярко выделяются две формы женской субъективности:

- «физиологическая субъективность» – тело выполняет функцию референтной («тот, который соотносится с чем-то») знака женской природы;
- «психологически-эмоциональная субъективность» – абсолютными жизненными убеждениями в личностном развитии для женщины являются чувство любви и желание быть любимой. Желание может содержать и различные вариации стремления устроить личную жизнь.

В рамках исследований женской субъективности относительно взгляда И. Жеребкиной [5] популярна «телесная концепция» М. Фуко, которая в какой-то степени отличается от традиционных взглядов исследователей феминизма. Тело, по терминологии автора, обозначается как аффективный уровень функционирования субъективности. М. Фуко выделил модель маргинальной субъективности, которая имеет соответствующую специфику:

- телесный дискурс, под которым философ подразумевал феномен видения, – эффект чувственного восприятия текста у читателя;

– дискурс признання як дискурс вини, воплощенням котрою являється жінчина;
 – телесної нормалізацією суб'єктивності являється власть. В рамках свого дослідження філософ доказав, що гендерні маркіровки суб'єктивності не являються незмінними біологічними маркіровками, а соціально сконструйовані і виробляються відповідними стратегіями влади. В результаті аналізу телесних механізмів – це гендерне тіло, що підчиняється волі, желанню і адресовано чому-то мисленню (воображаємому);
 – жіноча сексуальність виробляється і воспроизводиться культурою: вона є одночасно ціллю і інструментом влади [5].

Теорія маргінальної суб'єктивності французького культуролога і філософа носить індивідуальний характер з її конкретними критичними питаннями. Но надо отметить, что М. Фуко не исключает понятия тела, желания и сексуальности в рамках философско-теоретического обсуждения женской индивидуальности.

Бесспорно, в любом контексте первичным признаком проявления и обозначения женской природы является фемининность (*телесность*). В стихотворении В. Кустовой тело заменяется синонимом плоть: «Слёзы прапальваюць плоть. // Шпяць і шклянеюць у плоти. // Не збудзеца. Не збылося. // Не зможацца. Не маглося. // Слёзы прапальваюць плоть» [7, с. 133]. Поэтесса наделяет тело женщины сильной чувствительностью. В состоянии отчаяния и разочарования лирическая героиня подавляет свою боль в теле. Такая физическая внутренняя самоорганизация помогает женщине сдерживать характер своих эмоций.

Назначение женщины (девушки), ее физиологические особенности в определенном контексте подчеркивает О. Гапеева: «мне не выкинуць жыцця са слова смерць // як дзяўчыну з цела ўласнага мне ня выкінуць // запяклася на грудзях мая крывя // запяклася ды асыпалася» [3, с. 27]. Такая интерпретация биологического в себя только указывает на статус и предназначение женщины. Для лирической героини жизнь не заканчивается со словом «смерть», как и то, что она родилась женщиной.

В следующих строках О. Гапеева связывает тело с психологической потребностью своего существования: «Я бяздомныя рухі цела свайго // я бяздомныя рухі цела свайго напаткаю» [3, с. 39]. Надо отметить, что поэтессы создают такой «образ тела», который эмоционально и художественно окрашен концепцией *собственного тела*. Субъективно-эмоциональное пространство стихотворений подчинено личным мыслям и чувствам авторов.

В контексте осмысления феномена желания как сопоставительного элемента телесности, сексуальности стоит обратиться к концепции Ж. Лакана и З. Фрейда о роли Другого в формировании женской субъективности. Определение данного понятия идентификации женщины в современной женской поэзии относительно фрейдовского и лакановского психоанализа происходит по некоторым положениям общей теории:

- структура женской субъективности сводится к структуре желания;
- настоящим проявлением женского желания является структура аффекта (любви);
- женское желание может возникнуть при условии наличия фигуры Другого. (Только для анализа современной женской поэзии целесообразно использовать теоретические предложения Ж. Лакана о символическом Другом, а не образ авторитетного эдипального отца как у Фрейда) [5].

В теории психоанализа философов роль женщины выполняет пациентка (женщина), а Другого – мужчина / аналитик. Данные философские рассуждения по поводу взаимоотношений мужчины и женщины, женской субъективности, которая возникает в ситуации женского желания, маркированного как любовь, являются значимыми и при анализе современной женской поэзии.

Женское желание (любовь) в стихотворении Е. Гинько воплощено в голосе любимого, что характеризует отличительное психоэмоциональное состояние женщины:

Я п'ю твой голас, як бальзам, –
 Ім поўняцца душы абшары...
 Ці ласка Боская, ці чары –
 я п'ю твой голас – свой бальзам <...>

Такі і блізкі і чужы,
 такі жадана-недасяжны...
 Мне трэба чужь яго!

...Не важна,
 што голас той – нібы з імжы [4, с. 81].

Для ощущения гармонии лирической героине только необходимо слышать голос любимого (Другого). Механизм желания как основной мотивационный принцип объединения субъектов любви полностью подчиняется женскому сознанию, а это тоже – один из эффектов проявления женской субъективности.

И. Жеребкина [6] предлагает при исследовании женской субъективности использовать и концепцию Р. Брайдотти «становления женщиной». Исследовательница, опираясь на философию французского постструктурализма (Ж. Делеза), использует понятие «*намодическая субъективность*», субъектом которого является «она-я». Смысл подобной женской субъективности заключается в том, чтобы от образа «она-я» перейти к позиции «она-другая». Между тем, по Р. Брайдотти, «женская субъективность» не является единой сущностью, а представляет множество противоборствующих изменяющихся понятий, куда входят параметры национальной принадлежности, культуры, жизненного стиля, убеждений и др. Особенность такого теоретико-философского подхода в том, что переход к другой субъективной структуре происходит через транзиту – пространство, которое находится между «я» и «другим». Признание позиции «другого» требует появление конструкции «она-другая».

Лирической героине в поэзии Т. Сивец присущи горечь и разочарование в любви. В стихотворении поэтессы ситуацией, которая изменяет статус женщины, является одиночество:

Я забуду цябе (ці сябе падману)
 За віно, ці віну, ці падобныя з'явы...
 Я цябе не пільную, і ты – не пільнай!
 (О, як лёгка хавацца за мурам уяўным!)

Я цябе забываю, нібы навіну,
 Учарашні настрой і наступныя ноты.

Я сустрэну твой позірк, магчыма, кіўну,
І ты зноў «не заўважыш» маёй адзіноты... [8, с. 65].

Не получая от объекта своей любви ответа на собственные чувства, лирическую героиню охватывает отчаяние. В результате, «она-я» переходит к новому образу «она-чужая»: «Мне чужья шляхі, па якіх ты не йдзеш. // Не глядзіш на мяне, значыць, я Вам чужая? // Толькі недзе – не тут, толькі недзе – наўзмеж – // Я кажу што кахаю... На жаль...» [8, с. 65].

Через связь (или ее отсутствие) лирической героини с Другим реализуется женская субъективность с учетом психоэмоционального состояния, личной жизненной ситуации женщины. Поэтому пространство «мир без Другого» требует деконструкции женской идентичности – то есть изменение тех или иных морально-этических и психологических качеств личности. В результате рассмотренного лирического текста можно утверждать, что концепция Р. Брайдотти относительно презентации женской субъективности сосуществует в асимметрических пропорциях с классической теорией гендерного анализа.

В рамках психоанализа существует еще один подход к определению женской субъективности. Индивидуальные характеристики женщины реализуются в рамках отношений между «Я» и «Другой», если они имеют возможность разделять одни и те же чувства и намерения через взаимное познание / признание. Чувство «я», которое возникает на этом уровне отношений, не связано исключительно с символическими структурами, а имеет другой – телесный – тип существования. Такие отношения имеют характеристику интерсубъективного измерения. «Я» и «Другой» испытывают очень сильные чувства, которые возникают только в пространственных метафорах. Согласно концепции Дж. Бенджамин, «интерсубъективный тип женского желания может реализоваться в пространстве любви матери к ребенку» [6, с. 180].

В стихотворении О. Спринчан «Беременность и легкость бытия» рассматриваются ощущения женщины в период, когда она готовится стать матерью. Наверное, исходя из своего личного опыта, поэтесса аргументировано в рефлексивно-лирической форме рассказывает о каждом из девяти месяцев жизни женщины.

Согласно О. Спринчан, на четвертом месяце беременности женщины ребенок начинает понимать и чувствовать то, что чувствует и мать. В частности, одиночество и счастье становятся определяющими амбивалентными категориями для постижения будущей жизни: «Я тебе не читаю // детские книжки. // Ты со мной постигаешь // одиночество и счастье... // Как родишься – // будут и сказки, и стихи, // в которые поверишь, // чтобы потом // вернуться...» [9, с. 41].

Беременность хоть и требует от женщины определенных жертв своей красоте, но в этот период женщина особенно красива. Ее женственность становится максимально заметной. Лирическая героиня поэтессы сравнивает себя с полной луной, ожидающей молодого месяца (ребенка): «Цяпер качуся я, // а не іду // і, гледзячы // ў нябеснае паўшар'е, // нібыта поўня, // поўніцай жыву, // хоць ведаю, // што ветях мой настане // як толькі прыйдзе час // свяціць // маладзіку...» [9, с. 42].

Моделирование образа матери с ее ощущениями в стихотворении О. Спринчан является своеобразной историей женщины. Становление личности женщины как матери, развитие ее эмоционального мира связано с зарождением, рождением и жизнью ее ребенка. Желания и чувства женщины являются частью чувств ее ребенка, поэтому к женской субъективности добавляется часть *-inter* (между) – это обозначает провести свою собственную идентификацию с точки зрения эмоционально-психологических, нравственных привычек между собой и «Другим» (ребенком).

Таким образом, женская субъективность реализуется в современной белорусского женской поэзии через проявление телесности, иллюстрацию женского желания, которое может соотноситься с глубокой любовью к Другому и сексуальной потребностью женщины. Наиболее «женская сущность» полноценно рассматривается в контексте любовного дискурса. В лирических произведениях женская субъективность также может приобретать намодический (сознательный переход женщины к образу «она-другая») и интерсубъективный (любовь женщины (матери) до своего ребенка) характер.

Літэратура:

1. Батлер, Дж. Гендерное беспокойство / Дж. Батлер // Антология гендерной теории: сост. и коммент. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. – Минск : «Пропилей», 2000 – 384 с.
2. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. – Москва : Росспэн, 2004. – 331 с.
3. Гапеева В. Няголены ранак / В. Гапеева. – Мн. : Логвінаў, 2008. – 56 с.
4. Гінько А. Я думала душой... : інтымная лірыка / Алена Гінько; прадм. Л. Дранько-Майсюка. – Мінск : Кнігазбор, 2015. – 116 с.
5. Жеребкина И. «Прочти моё желание...». Постмодернизм, психоанализ, феминизм / И. Жеребкина. – Москва : Идея-Пресс, 2000. – 251 с.
6. Жеребкина И. Субъективность и гендер / И. Жеребкина. – Санкт-Петербург : Алетейл, 2007. – 307 с.
7. Кустава В. Тамсама : вершы / В. Кустава. – Мінск : Маст. Літ., 2006. – 150 с.
8. Сівец Т. Таму, хто знойдзе... (Каханне ды іншыя казкі) : Вершы, проза, п'есы, пераклады / Т. Сівец. – Мінск : Логвінаў, 2008. – 184 с.
9. Спринчан А. ЖываЯ / А. Спринчан. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2008. – 94 с.

УДК 811,111

Н. П. Киселюк, І. Г. Войтенко,

Луцкі́й націона́льний тэхні́чний універсітет, м. Луцьк

ВПЛИВ ЕМОЦІЙНОСТІ НА ЕКОЛОГІЮ КОМУНІКАЦІЇ (НА МАТЕРІАЛІ СУЧАСНОГО АНГЛОМОВНОГО ДИСКУРСУ)

Стаття присвячена дослідженню впливу емоційності на екологію спілкування. Розглядається взаємозв'язок між позитивними / негативними емоціями та екологічністю. Досліджуються стратегії екологічного / неекологічного мовлення. Доводиться, що екологічність комунікації полягає у дотриманні комунікативних етичних та емотивних норм користування мовою, за яких мовець почувається комфортно. З іншого боку, зазначається, що негативні емоції учасників комунікації формують конфліктні комунікативні ситуації.

Ключові слова: емоції, емоційність, емотивність, екологічність, неекологічність, етикетні норми, конфліктні ситуації, комунікативні стратегії.

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ НА ЭКОЛОГИЮ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА)

Статья посвящена изучению влияния эмоциональности на экологию общения. Рассматривается взаимосвязь между позитивными / негативными эмоциями и экологичностью. Изучаются стратегии экологичной / неэкологичной речи. Дока-